Доклады Академии Наук СССР 1926
Comptes-Rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS

Н. К. ДМИТРИЕВ. Аффикс غان в ново-османском языке.
[N. DMITRIJEV. L'affixe غان dans la langue osmanlie moderne].

(Представлено академиком И. Ю. Крачковским в ОИФ 10 III 1926).

Как известно, аффикс غان есть обычный формант для всех языковых турецких групп, кроме южной, где функции его в смысле причастных образований вытеснены формами на ان и مش, а другие функции (образование отглагольного имени с различием времен и лиц)—формою на دق. В современном османском языке аффикс غان находится в положении рудимента и не дает новых живых словообразований, но исторический интерес к нему велик, т. к. это один из критериев для классификации турецких языков вообще и одна из вех по истории османского языка в частности.

Первая попытка детальной регистрации османских рудиментарных образований на غان сделана только J. Deny, автором капитальной работы,[1] которая, несмотря на отдельные частности, которые можно оспаривать, содержит в себе, как в фокусе, все проблемы актуальной османистики. Список Deny,[2] построенный на морфологическом признаке (غان, как формант существительных и прилагательных), сопровождается пояснением, что образования на غان, утратив различие времени, тем самым из категории причастий перешли в категорию прилагательных с обозначением постоянного качества. Перечень этот может быть пополнен еще следующими словами: 1) اورغان урган (канат, кабель),[3] 2) اولاغان олаган (возможный, вероятный), 3) بالدرغان baldyrghan (petite ciguë, assa foetida), 4) بالقان балкан (горный хребет), 5) بانقان banqan (huile de ban), 6) بجيرغان bydjyrghan и بجيلغان bydjylghan (crevasse), 7) بوراغان bouraghan (tempête violente, tourbillon), 8) بوزطوغان bozdoghan (faucon), 9) بوستاغان bostaghan (vase en forme de sphère) 10) پاپاغان папаган (попугай), 11) چپكن tchepken (espèce de veste courte à manches ouvertes), 12) داغداغان daghdaghan (arbre de la famille des tamariscinées), 13) ديدرگن dedirgen (vagabond), 14) دیکن дік'ян (шип), 15) سرپكن serpken (neige à demi-fondue), 16) سوتلكن sutleien (euphorbe), 17) صاقسغان saqsaghan (pie), 18) سونوكغان сӧнӱкган (бледный), 19) صوغان соган (лук), 20) صوقلغان

[1] Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli) — Paris, 1920.

[2] Op. cit. § 865. Здесь дано около 40 слов на غان.

[3] Слова, данные в русской транскрипции, взяты у С. Г. Церунцана из его подготовляемого к печати османско-русского словаря; слова с французской транскрипцией — из Samy-bey'a.

soqylghan (qui s'insinue, hardi), 21) طولاغان dolaghan (sorte d'enflure autour des doigts), 22) طويغان doïghan = طوغان doghan (faucon), 23) قاداغان qadaghan (ordre), 24) قزغان qazgan || qazan (chaudière), 25) قورلاغان qourlaghan (peste formidable), 26) قوغان qoghan и قووان qovan (ruche), 27) كوركن gurguen (orme), 28) كوسەكن kusseguen (fâché), 29) يلكن yelken (voile), 30) يورغان йорган (ватное одеяло). Vambéry (Altosm. Sprachst., 190) дает для старо-осм. формы كسەكن keseken (scharf, schneidig); в словаре Поповић'а[1] находим еще: кајгана (яичница), куркен || кјуркен (чар, урок), леген || лејен (шкаф), чаган (ћустек, замка за камилу), чагрган (птица дрекаван), чалаган (заједљив, угризљив), сикејкен (ковничар). Во 2-й ч. грамматики Еглички-Гордлевского дается еще اوچرغان учурган — змей. Ср. также народное قره باصقان kara баскан (кошмар) при литературном كابوس. Samy (803) дает еще форму طرطغان.

Быстрая архаизация форм на غان (из приведенного выше списка Deny и нашего С. Г. Церуниан признал употребительными для современного османского языка только небольшую часть, (константинопольский говор)[2] говорит за то, что, ныне являясь пережитком, они были продуктивнее в старом языке. О том же говорят и собственные имена (в роде названия квартала قزغانچيلر), где архаичные формы сохраняются наилучшим способом.[3] Присматриваясь ближе ко всему этому, довольно значительному, перечню слов, мы замечаем, что при их семантической близости, они довольно разнородны этимологически. Большинство из них произведены от глагольных корней (ныне частично утраченных в языке), другие (بالقان ' بالدرغان ' صاقسافان и др.) представляются трудно разложимыми; третьи являются заимствованными: قالقان ' صوغان (монг.); شيرلاغان шырлаган (< перс. شيرروغن кунжутное масло), فسلكن fäclijän (<fäclir'än) — базилика (= греч. βασιλικόν). В последних двух случаях выравнивание иностранных слов[4] по форме на غان говорит о ее прежней распространенности.

---

[1] Речник српско-турски и турско-српски. Саставио... Алекса Ј. Поповић — Сарајлија. Београд, 1899.

[2] Именно из списка Deny 2) 4) 6) 7) 15) 17) g'öćg'en и usurgan, из предложенного нами — 1) 2) 4) 6) 8) 10) 11) 13) 14) 15) 16) 17) 19) 24) 27) 29) 30). Форма «dedirgen» отмечена им, как вульгарная, со значением «надоедливый, не дающий покоя», вм. «serpken» указано для разговорной речи сäпк'än (мокрый снег), употребительное, напр., в след. выражениях: صولى سپكن هوا и صولى سپكن قار كليور, к форме كوركن дано вульгарное r'ÿlr'än a'aны. Слова «кајгана» и «куркен» отмечены, как живые, но неупотребительные в Стамбуле. За все эти справки, равно как и за обычную готовность С. Г. Церуниана делиться своими основательными познаниями по османской фразеологии и словарю — приношу ему глубокую благодарность.

[3] Впервые на грамматическую важность собственных имен османского происхождения обратил внимание Lamouche в Сборнике в честь P. Boyer.

Ср. еще название улицы в Бешикташе قزغان آصماز سوقاغى (сообщение С. Г. Церуниана), крепость Адраган, Сурлаган и др. собств. имена, анализ коих является особой темой. Письмо однако консервативнее живой речи, в которой написания قزغان часто произносятся «казан». Фонетическое развитие $\frac{\text{Ƃан}}{\text{г'ан}}$ идет, кроме этого, еще путем перехода Ƃ > в и г > j (примеры в списке).

[4] Ср. сербо-хорватск. vojnu-gan (Glasn. z. Mus. Bosn. i Herc. XXVIII, 110).

Частный случай образований на غان дает перед означенным аффиксом гласный а||ä, в словах ясной этимологии резко отделимый от корня (ср. к'äс-ä-к'äн при к'äс-, ол-а-ган при ол-, дол-а-ган при дол- и др. Ср. также Deny, стр. 569). Явление это, которое Deny (ibid.) квалифицирует, как развитие формы на غان, свойственно не одному османскому языку и, надо думать, унаследовано им от более древней эпохи турецких языковых отношений (ср. неосманские формы ур-а-ɣан, кач-а-ɣан, бор-а-ɣан, јам-а-ɣан и др.). Османская морфология знает добавочный формант а||ä, предшествующий другому форманту: 1) в деноминативных глаголах (типа јаш-а-мак при јаш, бош-а-мак при бош и т. д), 2) в форме «а-мак» на ряду с «мак» (бас-а-мак, тут-а-мак и др.), 3) то же в «а-laq» вм. «laq» (Deny, стр. 565), 4) деепричастие на ـوب- и 5) деепричастие на а||ä-, 6) причастие буд. вр. ـوجق-. Более или менее признано, что 4) и 5) составляют общую группу словообразования; не менее очевидно, что 2) и 3) тоже сводятся в одну группу. Вопрос, следовательно, остается о пунктах 1) и 6).

Последнее пытался объяснить W. Bang. (Monogr. z. türk. Sprachgesch. 1918), который считал, в что форме «а-цак» «а» такого же происхождения, как в «а—ган», которое он разлагает (стр. 36) на «отглагольное имя на «а» + ган» (стр. 39) (alağaq по аналогии с ala, alasï, alaraq, aladur > alïyor, в основе коих, по Bang'у, также лежит Verbalnamen auf «a»). При такой формулировке неясно соотношение этого «отглагольного имени» с внешне созвучным деепричастием на «а», и к тому же существование подобной формы не засвидетельствовано грамматической традицией. Нам кажется небходимым обратить внимание на другой факт вполне объективного порядка: формант «а» в случаях 1), 2) и 3) (см. выше), а равно и в форме а-ган||а-ган имеет место *исключительно при односложных основах* (тип первичный: јаш-а-мак, кан-а-мак и пр.; тип вторичный, как огр-а-мак, ојн-а-мак;[1] тут-а-мак, тор-а-laq, Deny, стр. 565; ср. кач-а-ган, ол-а-ган, дол-а-ган и др.), тогда как при образовании причастия буд. вр. «а», как известно, распространяется на все основы (ср. чыкарт-а-цак и др.). Правда, это «а» не было обязательно для всех односложных основ и чем объяснить отдельные случаи его присутствия в них — мы не знаем; разработка османского ударения и законов аналогии[2] в османском яз. могла бы, повидимому, осветить вопрос. А пока к осторожной формулировке Deny о «а-ган» (см. выше) следует добавить, что это «а», во-первых, родственно случаям 1), 2) и 3) и, во-вторых, фигурирует исключительно при односложных глагольных основах.

---

[1] Здесь 2-й слог синкопировался при перемещении ударения. Беглый узкий гласный здесь имел ту же судьбу, что и при аффиксации имен типа بويون.

[2] Возможно, что формы на а-ган по аналогии перенесены с производных глаголов с аффиксом $\frac{\text{ла}}{\text{lä}}$, которые количественно преобладали; возможно, что они или глаголы типа коџа-мак, если их больше, влияли на тип јаш-а-мак, первоначально вышедший из типа шішмäк (Deny, § 849, G. Weil, Türk. Gramm. стр. 93.) Ср. действие аналогии в новом языке: произношение آلمغه как алмаја под влиянием синтаксически сходных форм آلمديه с одной стороны и كلمكه — с другой.

Другой вопрос, связанный с غان, разделяется всеми (Deny, § 866, Bang, стр. 43); это вопрос о семантическом родстве образований на غان с образованиями на $\frac{\text{гун}}{\text{г'ун}}$: $\frac{\text{гын}}{\text{г'ін}}$, которые также имеют значение adjectiva. Bang считает даже, что османские имена на غان сохранились по ассоциации с прилагательными на غون и т. д., тогда как собственно причастия на γап утратили γ (стр. 41). Примеры близких значений даны у Deny и Bang'a и могут быть пополнены словарями. Явление это рельефно всплывает только на османской почве, где роль архаичного форманта غان не шире форманта غون, также признаваемого рудиментарным. Нельзя ли пойти несколько дальше и предположить, что оба форманта есть только продукт дифференциации единого прежде аффикса γ+x+н, где x есть гласный любого качества? Ведь та эволюция, которую переживает явление сингармонизма (в сторону его расширения или сокращения) выражается именно или в утрате, или в новообразовании фонетических вариантов одного или того же аффикса (ср. формы $\frac{\text{мок}}{\text{мök}}$ в кара-кирг, при $\frac{\text{мак}}{\text{мäк}}$ других языков, там же $\frac{\text{Бон}}{\text{г'ön}}$ при $\frac{\text{Бан}}{\text{г'än}}$ других, $\frac{\text{лор}}{\text{lör}}$ при $\frac{\text{лар}}{\text{läр}}$ других; ср. также аффикс $\frac{\text{ыр}}{\text{ір}} \| \frac{\text{ар}}{\text{är}} \| \frac{\text{ур}}{\text{ür}}$, в османском языке сознаваемый, как признак настояще-будущего времени, а в других наречиях (азербайджанский) более дифференцированный и т. д.). Закон сингармонизма, измеряемый хронологически (по эпохам истории языка) и топографически (по его диалектам), не может быть представлен в своей эволюции, как нечто математически правильное, идущее в порядке регрессивном или прогрессивном, и нам неизвестно, почему отдельные аффиксы приобретали бóльшую гибкость (обилие фонетических вариантов), другие — ее утрачивали,[1] — но отдельные рудименты в роде османских форм на «ган» и «гун», говорят за то, что этот процесс несомненно существовал.

---

[1] Такие факты, помимо обще-фонетических причин, скорее всего объяснялись бы действием аналогии.